

АНТИЧНОЕ ПРЕДАНИЕ О ГИБЕЛИ СПАРТАНСКОГО ЦАРЯ КЛЕОМЕНА I

История жизни и смерти спартанского царя Клеомена I является одним из интереснейших сюжетов во всей истории Спарты. Как у древних авторов, так и у современных исследователей отношение к личности Клеомена и его деятельности было весьма неоднозначным. Эта противоречивая оценка берет свое начало от Геродота. Уже у него можно найти полярные высказывания в отношении Клеомена. Причина столь противоречивой оценки лежит в изначально неоднозначном отношении к Клеомену его современников и ближайших потомков как внутри, так и вне Спарты. В «Истории» Геродота, нашем основном и практически единственном источнике по данной теме¹, мы постоянно находим отражение двух диаметрально противоположных взглядов на личность Клеомена.

Интерес к фигуре Клеомена, бесспорно, объясняется его особым местом в истории Спарты. В новой и новейшей историографии правление Клеомена нередко оценивают как решающее не только для Лаконии, но и для всей Греции в целом. За этой оценкой стоят известные реалии: действительно, в период правления этого царя Спарта окончательно закрепила свое первенство в Пелопоннесе и стала неоспоримым общегреческим лидером.

Можно с уверенностью утверждать, что Клеомен был первым спартанским царем, о котором сохранилась столь богатая традиция. Хотя, согласно подсчетам древних хронографов, в частности, Евсевия, первые цари в Спарте правили уже в начале X в.², однако до сер. VI столетия мы, за редким исключением, не имеем о них никаких сведений, кроме имен и иногда – продолжительности их правления³. По сути дела, даже о царях, непосредственных предшественниках Клеомена, и его соправителя Демарата, мы знаем очень мало. Геродот упоминает их главным образом в связи с родословными указанных выше царей (V.39–41; VI.61–63).

То же самое можно сказать и о царях, правивших после Клеомена. Мало о ком из них сохранилась такая же богатая традиция, как о Клеомене. По всей видимости, Геродот получил полную и разностороннюю информацию о Клеомене главным образом благодаря тому, что

¹ Свидетельства о Клеомене у поздних писателей-антикваров, как правило, очень кратки и в них не содержится каких-либо новых, неизвестных Геродоту данных. Интерес представляет, пожалуй, только подборка изречений, которые Плутарх приписывает Клеомену (*Moral.* 223a–224b).

² Все приводимые даты – до нашей эры.

³ Исследователи, специально занимающиеся хронологией, за несомненно историческую принимают ту часть списка царей, которая начинается с середины VI в., т. е. со времени правления Анаксандрида и Аристана, современников Креза Лидийского. Сведения о спартанских царях со ссылками на источники см. в следующих просопографических словарях: *Poralla P.* *Prosopographie der Lakedaimonier bis auf die Zeit Alexanders des Grossen.* Breslau, 1913; *Bradford A. S.* *A Prosopography of Lacedaemonians from the Death of Alexander the Great, 323 B. C. to the Sack of Sparta by Alaric, A. D. 396.* München, 1977.

воспоминания об этом выдающемся царе долгое время были еще живы в спартанском обществе. Нарисованная Геродотом картина царствования Клеомена базируется в основном на устной спартанской традиции. Важно отметить, что Геродот, скорее всего, получал необходимую ему информацию из первых рук, от своих спартанских гостеприимцев (Hdt. III.55).

Что же заставило спартанцев, которых часто обвиняли в «короткой исторической памяти», и через полвека не только помнить Клеомена, но и по-прежнему расходиться в оценке его деятельности?

Чтобы ответить на этот вопрос, остановимся на двух, с нашей точки зрения, наиболее важных для понимания Клеомена и его эпохи сюжетах⁴. Это – антигосударственная деятельность царя в Аркадии и его гибель.

Для понимания причин, которые заставили Клеомена бежать в Аркадию, необходимо хотя бы вкратце коснуться событий, приведших в конечном счете к этому бегству.

Начиная с 506 г., когда Демарат фактически сорвал военную кампанию Клеомена в Афинах (Hdt. V.76⁵), и на протяжении 15 лет главным содержанием политической жизни Спарты стала открытая вражда ее двух царей. При всяком удобном случае Демарат старался нанести своему коллеге как можно более чувствительные удары, целью которых было сорвать любые внешнеполитические инициативы Клеомена и дискредитировать его в глазах соотечественников. Так, незадолго до похода Дария в Грецию Демарат помешал Клеомену успешно завершить уже начатое военное предприятие. Когда Клеомен в 491 г. направился к Эгине, чтобы взять в плен руководителей персофильской партии, Демарату с помощью интриг удалось расстроить его планы, так что Клеомен был срочно отозван в Спарту (Hdt. VI.49–51; 61; Paus. III.4.3)⁶.

⁴ Точная дата вступления Клеомена на трон неизвестна. Считают, что Клеомен I из династии Агиадов пришел к власти, скорее всего, в промежуток между 525 и 517 гг. после смерти своего отца, царя Анаксандрида и правил, по всей видимости, до 490 г. (Hdt. V.39; Paus. III.3.10). Приблизительно в те же самые годы был царем в Спарте и его соправитель из династии Эврипontiдов – Демарат (годы правления – ок. 515–491 гг.).

⁵ Из замечания Геродота об отсутствии какой-либо вражды между обоими царями до этого похода (V.75) следует, что причиной вражды, возможно, стало расхождение царей в вопросе о будущей судьбе Афин. Демарат мог возражать как против установления корпоративной тирании в Афинах, так и против кандидатуры Исагора как главы будущего правительства. Но, скорее всего, дело было вовсе не в принципах. Демарату просто надоело «постоянно находиться при Клеомене в качестве пешки, и он воспользовался неудачей своего коллеги, чтобы реализовать шанс самому стать «первым» царем» (Clauss M. Sparta. Eine Einführung in seine Geschichte und Zivilisation. München, 1983. S. 30). Точно так же в 403 г. царь Павсаний помешает Лисандру оказать помощь Тридцати тиранам и поддержит афинских демократов только ради того, чтобы избавиться от своего политического врага и соперника Лисандра, этого «некоронованного царя Эллады» (Xen. Hell. II.4.29; Diod. XIV.33.6; Plut. Lys. 21; Paus. III.5.1).

⁶ Ни Геродот, ни Павсаний не говорят, в чем конкретно обвинял Демарат своего коллегу. Вполне вероятно, однако, что речь шла о подкупе: Демарат мог утверждать, что Клеомен был якобы подкуплен афинянами, которые действительно были чрезвычайно заинтересованы в ослаблении Эгины. Даже Геродот, приводящий, как правило, негативный вариант предания о Клеомене, утверждает, что Демарат «оклеветал Клеомена, когда тот переправился на Эгину, чтобы наказать там сторонников персов» (VI.64).

История с провалом похода на Эгину, по-видимому, стала для Клеомена той последней каплей, после которой, по словам Геродота, вражда между царями стала уже «смертельной» (VI.64) и Клеомен решительно пошел на беспрецедентные меры ради избавления от своего врага. Не имея никакого законного способа избавиться от Демарата, Клеомен задумал и блестяще осуществил весьма сложную комбинацию, заменив законного царя Демарата его троюродным братом Леотихидом, представителем побочной ветви Эврипонтидов (Hdt. VI.65).

Заговорщики начали с того, что активно стали распространять слухи о якобы незаконном происхождении Демарата (Hdt. VI.61–64). Важная роль в этой истории, по-видимому, с самого начала была отведена Леотихиду. Принадлежит к тому же царскому дому, что и Демарат, он, вероятно, смог привести целый ряд правдоподобных аргументов в поддержку своей версии. Он же стал и официальным обвинителем Демарата (Hdt. VI.65; Paus. III.4.4).

Но, несмотря на показания под клятвой претендента на трон Леотихида и старания царя Клеомена, спартанские власти не решились вынести самостоятельный вердикт и послали дело в «высшую» инстанцию – в Дельфы, к оракулу Аполлона. Такая практика – обращение к дельфийскому оракулу как последней и самой авторитетной инстанции – для Спарты была в порядке вещей (Plut. Ages. 11)⁷. Геродот, хорошо знакомый с деятельностью дельфийских жрецов⁸, сообщает скандальную историю, связанную с получением необходимого Клеомену оракула (VI.66): «Когда по наущению Клеомена дело это перенесли на решение Пифии, Клеомен сумел привлечь на свою сторону Кобона, сына Аристофанта, весьма влиятельного человека в Дельфах. А этот Кобон убедил Периаллу, прорицательницу, дать ответ, угодный Клеомену. Так-то Пифия на вопрос послов изрекла решение: Демарат – не сын Аристонна. Впоследствии, однако, обман открылся: Кобон поплатился изгнанием из Дельф, а прорицательница была лишена своего сана» (пер. Г. А. Стратоновского). В достоверности этого сообщения Геродота вряд ли можно сомневаться: хорошо зная многие скандальные истории, связанные с Дельфами, историк в данном случае счел нужным сообщить даже имена тех, через кого действовал Клеомен⁹.

Геродот не говорит прямо, с помощью каких аргументов Клеомену удалось привлечь на свою сторону одного из дельфийских «функционаров». Возможно, здесь имел место подкуп. Но важнее денег, скорее все-

⁷ И древние, и современные историки обращали внимание на то, что спартанцы любили оракулы, вероятно, больше, чем граждане любого другого греческого государства, и придавали им огромное, подчас даже решающее значение в политических спорах (Parke H. W., Wormell D. E. *The Delphic Oracle*. Oxf., 1956. Vol. 2. P. 83, 89; Parker R. *Spartan Religion // Classical Sparta: Techniques behind her Success* / Ed. by A. Powell L., 1989. P. 142–172, особенно p. 161 f.). Ведь даже свою собственную конституцию, согласно традиции, спартанцы приписывали дельфийскому Аполлону (Plut. Lyc. VI.1).

⁸ О тесных связях Геродота с Дельфами см. в частности: Лурье С. Я. Геродот. М.; Л., 1947. С. 13.

⁹ Дельфийские жрецы не раз, по-видимому, оказывали спартанской элите подобные сомнительные услуги, идя при этом даже на прямой подлог и обман. Так, Геродот рассказывает историю о дарах Креза в Дельфы, которые выдавались за спартанские с помощью перебитой посвячительной надписи (I.51).

го, были традиционно тесные связи Дельф со Спартою, которые осуществлялись главным образом через спартанских царей и их представителей в Дельфах – пифиев. Кроме того, лично у Клеомена могли быть наследственные ксенические отношения с семьей Кобона¹⁰. Предание свидетельствует, что дельфийские жрецы всегда выступали на стороне спартанских царей, а в случае разногласий между царями выигрывала та сторона, которая имела личные контакты с наиболее влиятельными представителями дельфийского жречества. Клеомен, в отличие от Демарата, был талантливым полководцем, проводившим несколько весьма результативных военных кампаний, в частности в 510 г. он изгнал Писистратидов из Афин (Hdt. V.64–65; Arist. *Ath. pol.* 19), а около 494 г. предпринял победоносный поход против Аргоса (Hdt. VI.76–82; Paus. II.20.8–10). После удачных военных кампаний цари, как правило, отправляли в Дельфы немалые денежные суммы и подарки¹¹, и вряд ли Клеомен был здесь исключением. Личные контакты с влиятельными жреческими семьями, с одной стороны, и щедрые подношения, с другой, обеспечили, по-видимому, Клеомену в Дельфах режим наибольшего благоприятствования.

В Спарте прислушались к оракулу Аполлона, и Демарат, находившийся на троне уже более 20 лет, был лишен царской власти. Какое-то время он оставался в Спарте и даже занимал там какую-то должность (Hdt. VI.67.2), но вскоре эмигрировал в Персию, где стал гостем и военным советником персидского царя (Hdt. VI.70.2; Xen. *Anab.* II.1.3). Избавление от Демарата – самая удачная политическая интрига Клеомена. Около века спустя, в 399 г. очень похожую операцию осуществили Агесилай и Лисандр: с помощью остроумно истолкованного оракула они убедили граждан, что законный наследник престола Леотихид – бастард. В результате царем стал Агесилай, брат, а не сын покойного царя Агиса (Xen. *Hell.* III.3.1; Plut. *Alc.* 23.7–8; *Lys.* 22.4–6; *Ages.* 3.6; Paus. III.8.7–10).

Трудно расценить сговор Клеомена с дельфийскими жрецами иначе, чем как свидетельство крайне циничного отношения царя к религии вообще и оракулам в частности. В науке, как правило, дается однозначная оценка отношению Клеомена к религии. Так, по словам П. Кэртлиджа, «если что-либо и ясно в карьере Клеомена, так это его гибкая, если не сказать неортодоксальная позиция в отношении религии»¹². А. Джеффри, характеризуя Клеомена как «циника, готового ... идти к своим целям даже с помощью откровенного святотатства»,

¹⁰ Известная самостоятельность Клеомена и возможность проводить внешнюю политику помимо институтов своей родины во многом объясняются той поддержкой, которую оказывали ему многочисленные друзья и ксены среди знати во многих греческих государствах. Так было в Дельфах, Афинах, Аркадии и, возможно, в Аргосе. У Клеомена, видимо, были ксенические связи и с Меандрием, тираном Самоса (Plut. *Moral.* 224a). Умение Клеомена налаживать связи с влиятельными иностранцами, бесспорно, укрепляло его позиции и внутри страны.

¹¹ Так, например, царь Агесилай, ведущий войну против персидского царя в Малой Азии, в течение двух лет пожертвовал дельфийскому святилищу огромную сумму – более ста талантов (Xen. *Hell.* IV.3.21; Plut. *Ages.* 1.34).

¹² Cartledge P. *Sparta and Lakonia. A Regional History 1300–362 B. C. L.*, 1979. P. 144.

сравнивает его с Лисандром. «Подобно бессовестному и нещепетильному наварху Лисандру веком позже, он был готов «латать львиную шкуру Гераклидов с помощью лисьей шкуры там, где это было необходимо» (Plut. *Moral.* 229b)»¹³.

Проявленный Клеоменом цинизм в отношении оракулов никак не согласуется с широко распространенным в Греции представлением об исключительном благочестии спартанцев¹⁴, которые, по словам древних, больше прочих греков боялись божественных знамений (Paus. III.5.8) и «веление божества считали важнее долга к смертным» (Hdt. V.63).

* * *

Когда около 491–490 гг. стало известно, каким бесчестным способом Клеомен лишил Демарата царской власти, в Спарте разразился скандал, и Клеомен, не дожидаясь очередного судебного разбирательства, бежал из страха перед наказанием сначала в Фессалию, а затем к аркадянам¹⁵.

Поведение Клеомена в изгнании сильно отличается от поведения прочих опальных царей. Так, например, цари Леотихид (Hdt. VI.72; Paus. III.7.9–19) и Павсаний (Xen. *Hell.* III.5.6–7, 17–25; Paus. III.5.6–7; Plut. *Lys.* 28–29; Diod. XIV.89), оказавшись в изгнании, даже не пытались силой вернуть себе трон и спокойно доживали свой век за границей. Клеомен, напротив, сразу же по прибытии в Аркадию развил бурную деятельность, агитируя аркадян на выступления против Спарты (Hdt. VI.74).

Геродот сообщает некоторые подробности о том типе отношений, которые складывались между спартанским царем и отдельными аркадскими полисами (VI.74): «Аркадян он заставил поклясться, что они пойдут за ним, куда бы он их ни повел. Именно, он хотел собрать главарей аркадян в городе Нонакрис и там заставить принести клятву «водой Стикса». Поддержка, которую оказали аркадяне Клеомену вплоть до принесения лично ему присяги на верность, с одной стороны, свидетельствует об авторитете спартанских царей среди союзников, а с другой, – показывает готовность аркадян при первой же возможности избавиться от союза со Спартой¹⁶. Стоит напомнить, что

¹³ Jeffery L. H. *Archaic Greece. The City-States c. 700–500 B. C.* N. Y., 1978. P. 126.

¹⁴ В традиционно приписываемом к платоновскому корпусу трактате «Алкивиад II» приведен оракул Зевса-Аммона, данный афинянам, недовольным тем, что боги слишком благосклонны к спартанцам: «Богу более угодно молчаливое благочестие лакедемонян, чем все священнодействия и обряды эллинов» (Plat. *Alcib.* II. 149b).

¹⁵ Для Спарты союз с аркадскими городами был ключевым моментом в образовании Пелопоннесской лиги. Однако спартанцы никогда не были полностью уверены в их надежности. В Спарте всегда помнили, что аркадяне были союзниками мессенцев во время Первой и Второй Мессенских войн, они также охотно принимали у себя мессенских изгнанников (Polyb. IV.33.1–6; Paus. IV.14.1). В любой момент в случае восстания эллиотов спартанцы могли ждать от аркадян вооруженной помощи инсургентам.

¹⁶ Дж. Хаксли слишком далеко заходит в своих выводах, полагая, что Клеомен стал во главе будто бы созданной им Аркадской лиги. По его словам, «новая Аркадская лига, сражающаяся вместе с мессенцами и во главе с Клеоменом, могла сокрушить Спарту»

после битвы при Левктрах аркадяне немедленно отпали от Спарты и основали самостоятельное общепаркадское государство. Они основали из сорока аркадских деревень полис Мегалополь, который, по словам П. Кэртлиджа, стал «постоянным сторожевым псом аркадской независимости». «Только если держать в памяти эту будущую перспективу, – продолжает П. Кэртлидж, – можно оценить всю важность обращения Клеомена к Аркадии в 491 году»¹⁷.

По-видимому, угроза восстания аркадян во главе с Клеоменом была настолько серьезной, что спартанские власти пошли на беспрецедентные шаги: они пересмотрели свое прежнее решение в отношении Клеомена и амнистировали опального царя. Его убедили вернуться в Спарту, клятвенно пообещав, по-видимому, снять с него все обвинения и даже вернуть ему трон. Это произошло, вероятно, около 488 г. Геродот сообщает, что по возвращении он, как и прежде, оставался царем (VI.75.1).

Не раз в научной литературе обсуждалась тема возможного обращения Клеомена к мессенским илотам. Как правило, большинство исследователей с осторожностью относятся к подобному предположению. Однако, есть и такие, которые, по словам П. Оливы, были уверены, что «Клеомен пытался использовать скрытый потенциал илотских масс как свое последнее оружие против политических оппонентов»¹⁸. Одним из первых высказал такое предположение Г. Дикинс. Он горячо отстаивал именно эту версию, считая, что Клеомен не ограничился аркадянами, а распространил свою агитацию также и на мессенских илотов, побуждая последних к восстанию¹⁹. Дикинс даже утверждал, что Клеомен, общаясь с илотами, не только обещал им свободу, но даже кокетничал с идеей распространения на них гражданства. Той же позиции, но высказанной более осторожно, придерживался и В. Эренберг²⁰.

Хотя оснований для такого суждения немного, но они все же есть. Это, прежде всего, краткая реплика Платона (*Leg.* 698d–e), что во времена Марафона было какое-то мессенское восстание. Учитывая крайнюю скудость каких-либо сведений, исходящих из Спарты, о волнениях среди илотов, не стоит полностью отвергать эти слова Платона только на том основании, что они – единственное свидетельство о восстании илотов, произошедшем около 491 г. Если за свидетельством Платона скрывается какая-либо реальность, то естественным становится вывод о детерминированной связи между агитацией Клеомена и восстанием мессенских илотов в 491 г.

Как намек Геродота на волнения в Мессении в начале V в. иногда рассматривают слова Аристагора, приводимые Геродотом, о преимуществах завоевания богатого Востока по сравнению с завоеванием

(Huxley G. L. *Early Sparta*. L., 1962. P. 87 f.). Никаких древних свидетельств на этот счет нет.

¹⁷ Cartledge P. *Sparta and Lakonia*. P. 152.

¹⁸ Oliva P. *Sparta and her Social Problems*. Prague, 1971. P. 146.

¹⁹ Dickins G. *The Growth of Spartan Policy* // *JHS*. 1912. Vol. 32. P. 26, 30; Huxley G. L. *Early Sparta*. P. 87 f.

²⁰ Ehrenberg V. *Sparta. Geschichte* // *RE*. 1929. Reihe 2. Bd. 3. 2. Hbbd. 6. Sp. 1385.

бедных соседей (VI.49.8). Однако, в отличие от свидетельства Платона, это скорее общая сентенция, за которой вряд ли стоит какое-либо конкретное событие.

О том, что илоты царственные «диссиденты» действительно могли рассматривать как возможных союзников, свидетельствует, по крайней мере, одна очень похожая история. Как передает Фукидид (I.132.4), герой Греко-персидских войн Павсаний, принадлежавший к царскому дому Агиадов, вел какие-то переговоры с илотами и обещал им «свободу и гражданские права, если те поднимут восстание в поддержку его замыслов». Как и в случае с Клеоменом, именно попытка Павсания с помощью илотов низвергнуть существующий государственный порядок заставила эфоров энергично выступить против него: он был заперт в святилище Афины Халкиойкос, где в конце концов и умер от голода около 469/68 г. (Thuc. I.132–134; Arist. *Pol.* V.1, p. 1301b; Diod. XI.45–46; Paus. III.17.7–9; *Per. Paus.* 4–5). Возможно, илотов считали своими потенциальными союзниками и заговорщики во главе с Кинадоном (398 г.), хотя сами они явно относились к элите спартанского общества (*Xen. Hell.* III.3.4–11)²¹.

Во всех случаях там, где речь шла даже о гипотетической возможности обращения к илотам со стороны радикально настроенных политиков, спартанские власти проявляли удивительную для них оперативность. Так они действовали и по отношению к Клеомену. Анти-спартанская агитация Клеомена в Аркадии, целью которой, скорее всего, был выход аркадских полисов из Пелопоннесской лиги и, возможно, также поиск союзников среди мессенских илотов, сделали опального царя, по крайней мере, в глазах спартанской элиты государственным преступником. Однако, не имея никакой возможности силой вернуть его в Спарту, спартанские власти стали действовать в обычной для них манере: с помощью хитрости и обмана Клеомена сначала выманили из Аркадии и даже вернули ему все царские регалии, а вскоре, как только представился удобный случай, арестовали его и казнили (около 487 г.). Формой казни было не столь уж редкое для античности вынужденное самоубийство, правда, совершенное «по отвратительному первобытному ритуалу»²².

* * *

Говоря о казни Клеомена или, что практически одно и то же, об его вынужденном самоубийстве, мы придерживаемся версии, которая не находит однако ясного и однозначного подтверждения в предании. Дело в том, что версия об убийстве Клеомена высказывается в науке²³

²¹ Печатнова А. Г. Заговор Кинадона // ВДИ. 1984. № 2. С. 133–140.

²² Лурье С. Я. История античной общественной мысли. М.; Л., 1929. С. 179.

²³ Так считают, например, Дж. Хаксли (*Huxley G. L. Early Sparta.* P. 86), Г. Добеш (*Dobesch G. Kleomenes (3)* // КР. 1979. Bd. 3. Sp. 241–242), П. Кэртледж (*Cartledge P. Sparta and Lakonia.* P. 153). По словам последнего, «для подобного суицида, конечно, найдутся примеры в психоаналитической литературе, но я предпочитаю следовать детективам-любителям, которые подозревают грязный план со стороны спартанских властей».

вопреки свидетельству древних (Hdt. VI.75; Plut. *Moral.* 224a). По словам Геродота, сразу же по возвращении из Аркадии Клеомен впал в безумие и покончил жизнь самоубийством, нанеся себе множество ран (VI.75). По всей видимости, Геродот озвучил официальную спартанскую версию, согласно которой царь довел себя до безумия из-за распущенности и безудержного пьянства: он, якобы «общаясь со скифами, научился пить неразбавленное вино и от этого впал в безумие»²⁴. Сам Геродот, по-видимому, не очень верил версии о безумии Клеомена как результате пьянства и склонялся к тому, что это была божественная кара за святотатственный поступок царя в истории с Демаратом (VI.84).

Однако традиции о природном слабоумии, сумасбродстве и пьянстве Клеомена противоречат многочисленные данные об его многолетней и вполне успешной военно-политической карьере. Слишком удобной для спартанских властей была версия о внезапном безумии царя, чтобы поверить в ее реальность.

Приведем целый ряд высказываний авторитетных ученых, сомневающих в достоверности предания о самоубийстве царя как следствии его психического нездоровья²⁵. Так, автор статьи о Клеомене в «Реальной энциклопедии» Т. Леншау не сомневается, что это было политическое убийство, задуманное и осуществленное политическими противниками царя во главе с эфорами²⁶. Как справедливо замечает Дж. Хаксли, «что касается сумасшествия, то вплоть до последнего года жизни никаких признаков его не было и даже история его самоубийства может быть прикрытием для судебного убийства»²⁷. Хаксли полагает, что, хотя «многое неясно в истории о сумасшествии и смерти Клеомена, однако эфоры, конечно, желали избавиться от него, и, таким образом, остается возможным, что его убийство было государственным актом»²⁸. Более того, некоторые исследователи даже называют конкретного инициатора расправы над Клеоменом. Так, по мнению П. Кэртлиджа, «Клеомен был убит по приказу человека, который наследовал ему на троне Агиадов, т. е. по приказу его младшего сводного брата Леонида. Что касается слухов о пьянстве Клеомена, то, скорее всего, это была дымовая завеса, за которой пытались скрыть как самоубийство царя, так и соучастие в этом убийстве другого царя»²⁹. В том же духе высказывается и отечественный исследователь И. Е. Суриков: он выражает сомнение в правдоподобии нарисованной Геродотом «безобразной картины» самоубийства Клеомена и полагает, что царь

²⁴ Традиция о пьянстве Клеомена дошла до поздней античности (Aelian. *V. H.* II.41).

²⁵ О дискуссии по поводу убийства или самоубийства Клеомена см.: Huxley G. L. *Early Sparta*. P. 143, п. 603; *Строгоцкий В. М.* Некоторые особенности внутривосточной борьбы в Спарте в кон. VI – нач. V в. до н. э. Клеомен и Демарат // ВДИ. 1982. № 3. С. 46 сл. и прим. 31–33.

²⁶ Lenschau Th. Kleomenes // RE. 1921. Bd. 11. 1. Hbbd. 21. Sp. 701.

²⁷ Huxley G. L. *Early Sparta*. P. 77.

²⁸ Huxley G. L. Herodotos on Myth and Politics in Early Sparta // *PRIA*. 1983. Vol. 83. 1. P. 12.

²⁹ Cartledge P. *The Spartans. An Epic History*. L., 2003. P. 89.

был объявлен сумасшедшим по инициативе его ближайших родственников: братьев Леонида и Клеомброта и дочери Горго³⁰.

Мы считаем, что расправа над Клеоменом вполне вписывается в обычную для спартанских властей реакцию на крайнюю для государственных устоев опасность. Стоит напомнить историю гибели знаменитого спартанского военачальника Павсания, даже в деталях очень напоминающую рассказ Геродота о Клеомене (Thuc. I.132–134; Arist. *Pol.* V.1, p. 1301b; Diod. XI.45–46; Paus. III.17.7–9; *Per. Paus.* 4–5). Можно указать также на молниеносную и исключительно жестокую расправу, которую учинили эфоры над участниками заговора Кинадона в 398 г. Здесь эфоры, как и в случае с Клеоменом, действовали с профессиональной оперативностью: они первым делом под благовидным предлогом удалили руководителя заговора из города, а потом уж арестовали и казнили всех видных его участников (*Xen. Hell.* III.3.4–11).

Что касается обвинения Клеомена в безумии, это обычная для многих стран и эпох практика в отношении политических диссидентов. Клеомен после его попытки поднять Аркадию против Спарты стал в глазах спартанских властей государственным преступником. Однако его царское достоинство вынуждало правящие круги старательно скрывать факт политического убийства, представляя Клеомена безумным самоубийцей, понесшим наказание прежде всего за подкуп Пифии в деле Демарата (*Hdt.* VI.3)³¹.

Тема божественного наказания за святотатство была подхвачена и за пределами Спарты. Афиняне и аргосцы расширили круг преступлений Клеомена против божества: первые напомнили, что при вторжении в Элевсин царь приказал вырубить священный участок богинь, а вторые – что он вероломно перебил аргосцев, искавших убежище в святилище, и сжег их священную рощу (VI.75.3; 80). Геродот рассказывает, что Клеомен хитростью выманил аргосцев из святилища лишь для того, чтобы тут же казнить их (VI.79).

За небольшой промежуток времени между возвращением Клеомена из Аркадии и его гибелью спартанские власти, по-видимому, преуспели в диффамации царя. Агитация против Клеомена могла вестись по нескольким направлениям: во-первых, распространялись слухи, что

³⁰ Суриков И. Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 266.

³¹ Для спартанских граждан их басилевсы всегда оставались священными особами, от магической силы которых зависело благополучие всего государства. Представление о божественном происхождении царской власти было очень сильным сдерживающим фактором против насилия над спартанскими царями. Даже царям, совершившим серьезные государственные преступления, давали, как правило, возможность провести остаток своих дней в изгнании. Обычная картина спартанской действительности – это изгнанник-царь, проводящий многие годы где-нибудь на священной храмовой территории соседних со Спартой государств – Аркадии или Элиды (Thuc. V.16.3: Пластиоанакт; *Xen. Hell.* III.5.25; *Plut. Lys.* 30.1: Павсаний; *Plut. Agis.* XVI.6: Леонид; *Plut. Agis.* 28.1–3: Клеомброт). Поднять руку на священную особу царя считалось страшным преступлением, на которое не решались даже чужеземцы (*Plut. Agis.* 21.2–4). До самых поздних времен сохраняются отголоски былой неприкосновенности царей: в 241 г. тюремная прислуга и наемники не решаются исполнить приговор над Агисом IV, а Плутарх пишет о казни царя как о неслыханном святотатстве (*Agis.* 29; 31.1).

он взяточник и святотатец, а уже после убийства царя возникла версия о его безумии, вызванном пьянством, и суициде как результате полного помрачения разума (Hdt. VI.84). Геродот не раз повторяет эту версию о слабоумии царя. Из его слов следует, что уже при вступлении на престол Клеомен сильно уступал своему сопернику Дорию: Клеомен, «как говорят, был несколько слабоумен, со склонностью к помешательству» (V.42).

Массированная пропаганда, ведущаяся как внутри, так и вне Спарты, оказалась успешной, и Клеомен в древней традиции предстанет безумцем и святотатцем, которого сами боги лишили разума и заставили покончить с собой.

Как не раз уже отмечалось в научной литературе, отдельные части рассказа Геродота о Клеомене не согласуются между собой, поскольку одна часть, очевидно, происходит из благоприятного для царя источника, а другая – из неблагоприятного. Геродот, добросовестно излагая предание о Клеомене, исходящее из разных источников, естественно, зависел в своих оценках от изначально противоречивого исходного материала³². Это, по словам Э. Тигерштедта, «мозаика, включающая в себя различные источники»³³. По всей видимости, рассказ Геродота отражает объективно существующую реальность, а именно наличие в спартанской традиции двух диаметрально противоположных версий о царе Клеомене. Преобладание негативного варианта предания, по-видимому, объясняется тем, что после гибели Клеомена все представители власти, замешанные в этом деле, были кровно заинтересованы в том, чтобы скрыть как от собственных граждан, так и от всего внешнего мира факт политического убийства и представить Клеомена жертвой собственных пороков³⁴. Немалое значение для распространения и закрепления этой версии сыграло и то, что не Клеомен, а его враги имели царственных наследников, которые сохраняли и передавали только вариант предания, окрашенный в черные тона. Он исходил по большей части от враждебных Клеомену информаторов из обоих царских домов как потомков его сводных братьев Дориея, Леонида и Клеомброта, так и потомков пострадавшего от него царя Демарата. Э. Тигерштедт предполагает, что Геродот мог получить часть своей информации непосредственно от Демарата или же его родственников, которые еще долго продолжали управлять Тевфранией в Малой Азии как персидские вассалы (Xen. *Hell.* III.1.6)³⁵. Для репутации Клеомена *post mortem* фатальным, по-видимому, явилось и то, что он не имел мужского потомства, а его единственная дочь Горго была замужем за его врагом, царем Леонидом. Как известно, историю пишут

³² На это не раз обращалось внимание в научной литературе, и в частности, в недавно вышедшей статье О. В. Кулишовой «Спартанский царь Клеомен и Дельфы» (Мнемон. СПб., 2003. Вып. 2. С. 70).

³³ Tigerstedt E. N. *The Legend of Sparta in Classical Antiquity*. Stockholm, 1965. Vol. 1. P. 91.

³⁴ Э. Тигерштедт обратил внимание на то, что один из спартанских информаторов Геродота был до такой степени враждебен Клеомену, что отрицал даже факт его длительного правления ([Hdt. V.48] Tigerstedt E. N. *Op. cit.* Vol. 1. P. 90).

³⁵ Ibid. P. 94.

победители. Эту истину еще раз подтверждает посмертная репутация Клеомена. Как верно замечает И. Е. Суриков, «один из самых ярких и талантливых архагетов, сделавший очень много для укрепления спартанской простасии в Элладе, вошел в историю с ярлыком нечестивца и чуть ли не осужденного»³⁶.

Стоит напомнить, что в Риме процедура посмертной диффамации насильственно смещенных императоров была институцирована и осуществлялась в виде сенатского постановления – *damnatio memoriae* («осуждение памяти»). Подобные постановления были вынесены в отношении Нерона, Калигулы, Домициана, Коммода. *Damnatio memoriae* предполагала целый ряд диффамационных мер: уничтожение изображений, конфискацию и уничтожение письменных документов, составленных осужденным, аннулирование его завещания, объявление даты его рождения несчастливым днем и т. д. Сенат с помощью *damnatio memoriae* предлагал обществу официальную оценку, которая, как правило, имела нормативный характер. Иногда эта процедура сопровождалась также выдвиганием удобных для правящей элиты версий кончины императоров. После убийства Коммода сенат ограничился издевательским заключением, что смерть императора наступила от апоплексии, вызванной переяданием и пьянством (SHA. *Comm.* 19–20)³⁷.

Как мы показали, крайне отрицательное отношение к Клеомену стало культивироваться в Спарте только после его смерти, а при жизни он был известен всей Греции как талантливый военачальник и неподкупный политик. У того же Геродота можно найти фрагменты благоприятного для Клеомена варианта предания. Так, он, бесспорно, одобряет его действия на Эгине, приведшие к уничтожению там сильной персидской партии. По утверждению Геродота, «на Эгине он действовал на благо всей Эллады» (VI.61.1). Замечательна его характеристика Клеомена как «справедливейшего из смертных» в рассказе о неудачной попытке Меандрия подкупить царя (III.148). Высоко оценивает Геродот и военные успехи Клеомена: блестящую победу при Сепии, освобождение Афин от тирании Писистратидов, удачную эгинскую кампанию.

Позитивно, как правило, оценивают Клеомена и большинство современных историков. Например, Дж. Хаксли характеризует его как «одного из самых способных и энергичных спартанских царей, хотя официальная спартанская точка зрения на него... и была исключительно враждебной»³⁸. Э. Тигерштедт говорит о нем как о монархе, который отличался сильным и незаурядным характером³⁹. П. Кэртлидж пишет, что «Клеомен I был, без сомнения, самым сильным спартанским

³⁶ Суриков И. Е. Античная Греция. С. 269.

³⁷ Выражаю благодарность профессору А. Б. Егорову за предоставление текста своего доклада, посвященного *damnatio memoriae* и проблемам контроля общества над императорской властью, прочитанного на конференции «Жебелевские чтения-VII» в октябре 2005 г. в СПбГУ.

³⁸ Huxley G. L. Early Sparta. P. 77.

³⁹ Tigerstedt E. N. Op. cit. Vol. 1. P. 91.

царем со времен Полидора, и ему подобный не появится вплоть до Эврипontiда Агесилая II»⁴⁰. Правление Клеомена II. Кэртлидж оценивает как решающее не только для Спарты, но и для всего греческого мира, поскольку именно при этом царе «Спарта твердо стала лидером Пелопоннеса и всей Греции в целом»⁴¹. По словам М. Клаусса, «с Клеоменом умер один из самых энергичных царей Спарты, который завоевал себе большой авторитет вне Спарты и умело им пользовался»⁴². Согласно Э. Балтрушу, «Тюхе подарила спартанцам, когда они были на вершине своего взлета к гегемонии, царя Клеомена»⁴³. Автор статьи в "Der Kleine Pauly" Г. Добеш отмечает, что именно благодаря Клеомену «Спарта ко времени Персидских войн стала самой могущественной и уважаемой греческой сухопутной силой и была признана таковой всеми другими государствами»⁴⁴. В том же духе, как правило, оценивают Клеомена и отечественные антиковеды. Так, И. Е. Суриков, посвятивший Клеомену целый раздел в своей только что вышедшей работе, считает, что «Клеомен являлся одной из самых крупных и авторитетных фигур в Элладе конца VI – начала V в. до н. э., хотя значение его личности и деятельности обычно недооценивается в историографии»⁴⁵.

Непредвзятый взгляд на военную составляющую в деятельности Клеомена неизбежно приводит нас к следующему выводу: во внешней политике Клеомен непосредственно формировал ту политическую линию, которая в конце концов дала Спарте возможность оказать сопротивление персам в 480/79 г. и добиться гегемонии в Греции.

Гораздо сложнее ответить на вопрос, каковы были отношения Клеомена с основными правящими институтами внутри Спарты – герусией и эфоратом. Геродот этой темы почти не касается, и потому все рассуждения современных исследователей на этот счет носят во многом умозрительный характер. Как правило, обращают внимание на стремление Клеомена действовать независимо от эфоров⁴⁶.

Конечно, тот факт, что Клеомен, будучи обвиненным в коррупции, дважды был оправдан судебной коллегией, состоящей из эфоров и геронтов, свидетельствует о том, что, по крайней мере, до своего бегства в Аркадию царь пользовался большим авторитетом у спартанской элиты. По сравнению со своими преемниками он, по-видимому, обладал большей степенью свободы, особенно в военной сфере. Однако ему не удалось безнаказанно подстрекать к восстанию против Спарты ее аркадских союзников, а возможно, и илотов. С ним расправились как с государственным преступником. Сам факт беспрецедентной в спартанской истории расправы над царем свидетельствует о возросшей силе эфората. Клеомену, несмотря на все его усилия, не удалось, по словам Дикинса, «вернуть назад стрелки часов», ослабив власть эфоров

⁴⁰ Cartledge P. Sparta and Lakonia. P. 143.

⁴¹ Ibid. P. 144.

⁴² Clauss M. Op. cit. S. 33.

⁴³ Baltrusch E. Sparta. Geschichte, Gesellschaft, Kultur. München, 1998. S. 45.

⁴⁴ Dobesch G. Op. cit. Sp. 242.

⁴⁵ Суриков И. Е. Античная Греция. С. 236.

⁴⁶ Kagan D. The Outbreak of the Peloponnesian War. Ithaca; London, 1969. P. 28; MacDowell D. M. Spartan Law. Edinburgh, 1986. P. 140.

и усилив царскую власть⁴⁷. Судя по конечному результату, в своей борьбе с эфорами он не преуспел.

Можно сказать, что с гибелью Клеомена эфорат в Спарте действительно превратился в высший исполнительный орган страны. Этот «сравнительно молодой и динамично развивающийся политический институт»⁴⁸ впервые, по-видимому, использовал в полной мере свой потенциальный ресурс в борьбе с царской властью. В дальнейшем эфоры не раз успешно применяли опыт, приобретенный ими во время кампании по ликвидации Клеомена. Ближайшей жертвой эфоров при сходных обстоятельствах стал Павсаний (Thuc. V.32–134).

Небезосновательной представляется в этой связи гипотеза, высказанная П. Кэртлиджем, что взаимный обмен клятвами между царями и эфорами (Xen. Lac. pol. 15.7) был, вероятно, впервые введен не в середине VI в., как полагают большинство ученых, а позже – непосредственно после гибели Клеомена. По мнению П. Кэртлиджа, эта клятвенная церемония предполагает, что данная практика была введена как следствие какого-то царского, скорее всего, судебнопонаказуемого, проступка⁴⁹.

В заключение следует сказать, что именно с Клеомена берет свое начало целая серия судебных процессов, направленных против царей. Все они были инициированы в основном коллегией эфоров. Против Клеомена неоднократно в течение всего срока его правления выдвигались обвинения в получении взяток и дважды эти коррупционные дела разбирались в суде⁵⁰. При внимательном рассмотрении всей совокуп-

⁴⁷ Dickins G. Op. cit. P. 24.

⁴⁸ Cartledge P. Spartan Reflections. Berkeley, Los Angeles. 2001. P. 26.

⁴⁹ П. Кэртлидж полагает, что поскольку главная роль в этой клятвенной церемонии предназначалась эфорам, сама процедура не могла быть введена ранее сер. VI в. При этом он отвергает широко распространенный в науке взгляд, что инициатором введения клятвы был эфор Хилона. По его мнению, единственное и при том косвенное свидетельство о возможном авторстве Хилона принадлежит позднему и не очень надежному источнику, Диогену Лазертскому (Cartledge P. Agesilaos and the Crisis of Sparta. London; Baltimore, 1987. P. 107).

⁵⁰ Первый раз суд над Клеоменом состоялся в 494 г. по обвинению в получении взятки от аргосцев (Hdt. VI.82. 1). Иначе, по мнению судей, трудно было объяснить тот факт, что Клеомен даже не попытался взять штурмом сам город Аргос, лишенный в тот момент большей части своих защитников. Второй раз Клеомена обвинили в получении взятки в 491 г., на этот раз от афинян, за организацию похода против Эгины. И вновь, как в первом случае, он был оправдан (Hdt. VI.50). Поскольку ни одно из обвинений против Клеомена не было доказано в суде, для Геродота так же, как и для нас, вопрос о том, был ли Клеомен взяточником или нет, остается открытым. Скорее можно думать, что обвинения во взяточничестве были одной из обычных для эфоров форм давления на царей. Тем более, что тот же Геродот приводит два любопытных эпизода, свидетельствующих скорее о неподкупности Клеомена, чем об его коррумпированности. Так, около 517 г. подкупить царя попытался бежавший в Спарту правитель Самоса Меандрий: он рассчитывал на получение военной помощи для организации сопротивления персам (III.148). Геродот, рассказывая о реакции царя на предложение Меандрия, характеризует его как «справедливейшего из людей» (δικαιότατος ἀνδρῶν). Это – удивительная оценка, если учесть в целом весьма прохладное отношение Геродота к Клеомену. Следующая очень похожая история относится ко времени Ионийского восстания. В 499/8 г. в Спарту прибыл Аристагор, тиран Милета, и лично попытался убедить царя начать военные действия против Персии (V.49–51). Но, согласно Геродоту, Клеомен опять проявил завидное здравомыслие и не дал себя подкупить, хотя тиран за содействие предложил ему огромную сумму – 50 талантов (V.50). Хотя ни одно из вышеперечисленных обвинений не было до-

ной, по большей части явно неблагоприятной для Клеомена, традиции складывается впечатление, что эти обвинения были одним из рутинных средств давления на слишком независимых, по мнению эфоров, царей.

Хотя царская власть и после Клеомена сохраняла возможность оставаться *de facto* доминирующей политической силой, однако постоянный надзор эфоров над царями должен был устранить угрозу монополизации власти с их стороны. Крайне опасные для любого государства поиски союзников среди социальных и национальных низов (в чем были уличены как Клеомен, так и Павсаний) наглядно показали спартанским властям, что «реальная угроза установления тирании в Спарте если от кого-то и могла исходить, то только от представителей царской власти»⁵¹.

LARISA G. PECHATNOVA (ST. PETERSBURG)
THE ANCIENT TRADITION ABOUT SPARTAN KING
KLEOMENES' DEATH

The article is devoted to the analysis of some plots related to the times of Kleomenes' last years of rule. The greatest part of references to Kleomenes occurs in Herodotus' History, which may be considered as the main source for our topic. However Herodotus gives a rather contradictory picture of Kleomenes' rule. This may be accounted for by the two existing opposite viewpoints on Kleomenes: one of his contemporaries and the other by his immediate descendants. That the negative appraisal prevailed over the positive one can be explained by the wish of Spartan authorities to hide the fact of a political murder. We agree, along with Herodotus, with those scholars who consider the Kleomenes' political death as a murder, and not a suicide. It may be concluded that the ephorat had actually become the highest state Executive in the Kleomenes epoch. It used its potential resource for first time in the fight against kings' power.

казано в суде, само их количество является свидетельством того, что для Спарты коррумпированность ее царей уже в конце VI в. не была редким явлением и не воспринималась как что-то из ряда вон выходящее. В такой обстановке перманентной подозрительности по отношению к царям спартанские власти успешно могли манипулировать общественным мнением.

⁵¹ Суриков И. Е. Функции института остракизма и афинская политическая элита // ВДИ. 2004. № 1. С. 17.